

УДК 821.161

О. С. Чебоненко*

БУДДА И БУДДИЙСКИЕ ОТШЕЛЬНИКИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА 1910–1920-Х ГГ.

В статье рассматривается вопрос об отношении русских писателей к восточной культуре. Утверждается, что интерес к ней русских художников слова был обусловлен поиском нравственно-философского основания смысла жизни, желанием постичь тайны развития мировых цивилизаций. Главное внимание уделяется восточным мотивам в творчестве И. А. Бунина как яркому примеру обращения художественного сознания русского писателя к духовным учениям буддийского Востока. Делается акцент на то, что в образах отшельников и монахов, стремящихся к Освобождению, Бунин воплотил собственный нравственный идеал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, философия Освобождения, творчество Бунина, Будда.

O. S. Chebonenko

BUDDHA AND BUDDHIST HERMITS IN PROSE I. A. BUNIN 1910–1920S

The article considers the question of the attitude of Russian writers to Eastern culture. It is argued that the interest of Russian artists of the word was due to the search for the moral and philosophical basis of the meaning of life, with the desire to comprehend the secrets of the development of world civilizations. The main attention is paid to oriental motives in the work of I. A. Bunin, as a vivid example of the appeal of the artistic consciousness of the Russian writer to the spiritual teachings of the Buddhist East. Attention is drawn to the fact that in the images of hermits and monks striving for Liberation, Bunin embodied his own moral ideal.

KEYWORDS: Russian literature, Liberation philosophy, Bunin's work, Buddha.

На рубеже XX–XXI вв. в мировой культуре особую актуальность приобретают вопросы о происходящих в обществе социальных процессах и явлениях духовной жизни человечества, проводятся параллели с прошлым, делаются прогнозы всевозможных вариантов миропонимания людей буду-

---

* **Чебоненко Оксана Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

щего. Представляется вполне закономерным обращение к духовному опыту поэтов, прозаиков, публицистов последних двух столетий.

Вспомним, что именно в самом начале XX в. особенно остро «начала ощущаться историческая ограниченность модели мира, которую на протяжении долгих и беспокойных веков вырабатывало европейское мышление» [1]. Полностью базироваться на европоцентризме становилось уже невозможным, так как ни его отстаивание, ни дополнение частностями не способствовали отражению реальной картины мира. Наступило время, когда Азия, по словам Максимилиана Волошина, «начала питать Европу через Тихий океан»: «Если ориентализм в европейском искусстве является симптомом омертвления старых корней, связывавших Европу с мусульманским Востоком, то импрессионизм говорит о корне, переброшенном на Дальний Восток» [2, с. 308]. Действительно, в это время Европа пережила своеобразное открытие для себя даосского и индо-буддийского Востока, которое называли культурным взрывом и потрясением.

На фоне замечательной плеяды мыслителей, безусловно, выделяются фигуры русских художников слова. Интерес писателей к восточной культуре был в этот период довольно стойким, что связывалось в первую очередь не со стремлением ко всему экзотическому, не с данью моде, а с нравственно-философским поиском смысла жизни, существования, с желанием постичь тайны развития мировых цивилизаций, и, как писал И. А. Бунин в одном из своих произведений, «познать тоску всех стран и всех времен» [3, т. 1, с. 319]. Творческое наследие Бунина, таким образом, можно привести в качестве одного из наиболее ярких примеров обращения художественного сознания русского писателя к духовным учениям буддийского Востока.

О бунинском «органическом, наследственном тяготении к Востоку» писал еще Максим Горький [4, с. 147]. Сам же писатель не раз упоминал об этом в своих письмах, дневниках, произведениях: «Индия интересует меня как колыбель человечества в религии... Сколько заманчивого в мысли о трагедии из жизни Будды» [5, с. 96]. Бунин, как можно судить по его произведениям и архивным материалам, воспринимал буддизм больше с точки зрения художника, мастера слова, принимая то, что было близко его мироощущению. Осмысление им буддизма проходило преимущественно в философско-эстетической плоскости. Важную роль в формировании миропонимания прозаика и поэта сыграло его путешествие на о. Цейлон (1911 г.).

После этой поездки Бунин начинает свободно, на память, цитировать высказывания Будды из таких источников, как «Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений», «Будда. Его жизнь, учение и община» Германа Ольденберга, вкладывать в уста своих героев фразы из этих книг. Например, толстовец Каменский из рассказа «На даче» с жаром произносит слова: «Жизнь только в жизни духа, а не в жизни тела... Это повторяли все великие учите-

ли человечества, начиная с Будды» [3, т. 2, с. 148]. Иногда выделяется какая-то яркая деталь: лик Иисуса Христа в «Маленьком романе» («Образ был суздальский, большие косые глаза кого-то, похожего на Будду, были страшны в этом мерцании...» [Там же, с. 446]). В 1912 г. Бунин подписывает одну из своих фотографий словами немного перефразированной буддийской сутты: «Да будут счастливы все существа, и слабые и сильные, и видимые и невидимые, и родившиеся и не рожденные еще» [6, с. 48].

Рассказ «В ночном море» уже более подробно передает читателю историю индийского царевича Гаутамы, которому не было равных в метании копья и других видах состязаний. Он побеждает всех соперников в борьбе за руку и сердце красавицы Ясодхары. Впервые увидев свою будущую невесту, Гаутама говорит: «Потому я избрал ее, что играли мы с ней в лесах в давнопрошедшие времена, когда был я сыном охотника, а она девой лесов: вспомнила ее душа моя!» «В этой поэзии огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь в смысл этих поразительных слов насчет вспомнившей души», – добавляет современник писателя, главный герой произведения «В ночном море» [3, т. 5, с. 104].

Лирико-философское эссе 1925 г. «Ночь» снова возвращает нас к образу Будды и его словам из «Сутты-Нипаты»: «Я помню, что когда-то, мириады лет тому назад, я был козленком» [Там же, с. 301]. Далее уже автор-повествователь продолжает: «И я сам испытал подобное (как раз в стране того, кто сказал это, в индийских тропиках): испытал ужас ощущения, что я уже был когда-то тут, в этом райском тепле» [Там же]. Мысль о возможности реинкарнации была довольно близка Бунину на протяжении нескольких десятилетий, об этом он говорит во многих произведениях. Так, упомянутый выше безымянный герой «Ночи» мучается, пытаясь разгадать загадки собственного бытия, ведь для него понимание собственного непонимания – яркое доказательство причастности чему-то такому, что «во сто крат больше» нас всех «и, значит, является доказательством человеческого бессмертия» [Там же, с. 298]. «Я живу не только своим настоящим, но и всем своим прошлым, не только собственной жизнью, но и тысячами чужих», – говорит он, чувствуя счастье близости, «братства, единства со всеми живущими на земле» [Там же, с. 305]. Но не каждому, по мнению писателя, дано переживать подобное. Есть два разряда людей. Большинство – люди определенного момента, житейского строительства, «делания», их чаще всего интересуют лишь сиюминутные радости жизни. Другой – поэты, художники и, конечно, пророки, такие как Будда, Соломон, Толстой. К подобным людям герой эссе причисляет и себя: «Всеединое влечет меня в себя, как паук в паутину свою» [Там же, с. 307]. Но тоска о прошлых воплощениях, «далеких звеньях цепи», всё еще сильна в нем, тоска не дает разорвать цепь перевоплощений и по-настоящему освободиться.

Намного позже словами Будды из «Сутты-Нипаты» начинается бунинский философский трактат «Освобождение Толстого» (1937): «Отверзи-

те уши ваши, монахи: освобождение от смерти найдено. Я поучаю вас, я проповедую Закон. Если вы будете поступать сообразно поучениям, то через малое время получите... высшее исполнение священного стремления; вы еще в этой жизни познаете истину и увидите ее воочию» [3, т. 9, с. 8]. Данная часть палийского канона, несомненно, отсылает читателя к рассказу «Братья», написанному в 1914 г. Эпиграф к рассказу взят также из «Сутты-Нипаты»: «Взгляни на братьев, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали» [Там же, т. 4, с. 256]. Полностью сутта звучит так: «Взгляни на людей, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали, как я изведаль ее» [6, с. 136].

Рассказ «Братья» повествует о трагедии тех, кто не способен, в отличие от Будды и отшельников, достичь Просветления в своей короткой жизни. Герои этого произведения (англичанин, два рикши, невеста юноши-сингалеза) – люди сансары. Молодой рикша влюблен, он гонится за счастьем, его ведет бог Мара, воплощение земного желания. Будда-Возвышенный и бог жизни-смерти Мара противопоставляются друг другу на протяжении всего произведения. Этот прием перенесен в бунинский текст почти без изменения из «Сутты-Нипаты», любимой книги Бунина, откуда заимствованы в том числе и многочисленные высказывания Возвышенного.

В «Сутте-Нипате» многие истины излагаются в виде диалога или спора между Совершенным (Буддой) и Марой-искусителем. В индуистской и буддийской мифологии Мара является повелителем мира желаний, властелином над всеми людскими соблазнами, врагом познания, ибо «мирские соблазны – цепи, которые приковывают человека к царству смерти, а познание – сила, разбивающая эти цепи» [Там же, с. 50]. Мара искушает Возвышенного, подобно тому как как бог Мритью – отшельника Начикету в древнем тексте «Катака-Упанишад». Мритью предлагает Начикете господство над многими землями и прекрасных нимф. Будду же искушают три дочери Мары: Стремление, Тревога, Вожделение. Но Мара, как и Мритью, терпит поражение. Начикета достигает Истинного Знания, Гаутама – Просветления, Бодхи.

В «Сутте-Нипате» Мара говорит: «Кто имеет сынов, тот имеет и радость от сынов. Кто имеет стада, тот имеет радость от стад, ибо звенья бытия – радости людей», на что Будда отвечает: «Кто имеет сынов, тот имеет заботу от сынов, кто имеет стада, тот имеет заботу от стад, ибо звенья бытия – причина людских забот...» [Там же, с. 36]. Бунин пишет о старом рикше: «Он имел жену, сына и много маленьких детей, не боясь того, что, “кто имеет их, тот имеет и заботу о них”» [3, т. 4, с. 257]. Здесь Будда выступает как образ и символ бессмертия, избавления от страданий, а Мара – как образ и символ смерти и опьянения жизнью. На противопоставлении мудрости Будды желаниям, страстям, порожденным жизнью, строится весь рассказ «Братья».

Любовь молодого рикши – это любовь-страсть, основанная на жажде обладания, она приводит героя к смерти. Автор сообщает читателю о пути избавления от страданий, разочарований. Но при этом он показывает и то, что человек, как правило, не может следовать этому пути: слишком люди привязаны к жизни, к ее наслаждениям. Каждое событие в жизни молодого рикши комментируется заповедью Возвышенного, и образ Будды соединяется с истиной, которой героям, увлеченным суетностью земного существования, довольно трудно следовать. Смерть отца пугает сына, однако страсть его к любимой девушке оказывается сильнее привязанности к родным. Здесь автор приводит слова Будды: «Не забывай, юноша, жаждущий возжечь жизнь от жизни, что все страдания этого мира... все скорби и жалобы его от любви...» «Проснись, проснись! Страхни с себя обольщения Мары, сон этой короткой жизни...» [3, т. 4, с. 259, 270]. Когда рикша жует наркотик бетель, снова звучит поучение Совершенного. «Не убивай, не воруй и ничем не опьяняйся, – заповедал Возвышенный» [Там же, с. 262].

Путь к Освобождению известен: можно пойти вслед за отшельниками. Дерево, под которым сидел юный рикша перед тем, как его нанял англичанин, «было многоствольным банианом» [Там же, с. 260]. Согласно легенде, Просветление, или нирвана, открылось Будде, когда он сидел под подобным деревом. С тех пор его называют деревом Бодхи (Просветления) и чтут. Перед тем как совершить самоубийство, опять пробегает юноша мимо баниана. Он не останавливается, не думает о последствиях своего поступка.

Казалось бы, правы отшельники: все люди способны к самосовершенствованию, отказу от «привязок», желаний (акцент на аскетизме делает в большей степени южная школа буддизма – тхеравада, до сих пор процветающая на Цейлоне). Но рикша не освобождается от глубоких чувств, наоборот, они толкают его к самоубийству. Юноша выбирает мир страстей, мир Мары. Слаб ли он? Слаб, как многие другие персонажи Бунина. Слаб герой «Грамматики любви», слаб капитан из «Снов Чанга», ведь он так любит своих жену и дочь, что даже боится этой любви, смутно осознавая, что так быть не должно: «А разве так полагается? Да и вообще, следует ли кого-нибудь любить так сильно?.. Разве глупее нас с тобой были все эти ваши Будды, а послушай-ка, что они говорят об этой любви к миру и вообще, ко всему телесному...» [Там же, с. 377]. Такая любовь зачастую несчастна и ведет к катастрофе. И писатель показывает эту катастрофичность в «Братьях», «Грамматике любви», «Жизни Арсеньева», «Снах Чанга» и многих других произведениях.

Люди сансары слабы, но образы отшельников и самого Будды в прозе Бунина связаны с силой, со способностью противостоять искушениям и желаниям. Путь сильных, путь Спасения, противоположен пути слабых, которые полностью вовлечены в круговорот жизни, сансары и даже не пытаются выйти за его пределы. Цейлонские сингалезы в своем неведении вызы-

вают сочувствие, но персонажи-индивидуалисты, подобные англичанину и господину из Сан-Франциско, – горечь и неприятие, поскольку по-западному «возносят свою Личность превыше небес, хотят сосредоточить в ней весь мир...» [3, с. 278]. Последние в силу многих причин часто сознательно не идут по пути Возвышенного, который «понял, что значит жизнь Личности в этом мире бытия: в этой вселенной, которой мы не постигаем, – и ужаснулся священным ужасом» [Там же].

Рассказ «Ночь отречения» (1921) – легенда о жителе Цейлона, буддийском монахе, стремящемся к Пробуждению. Этот отшельник на берегу океана во время бури бросает вызов все тому же Маре: «Тщетно, Мара. Тщетно, Тысячеглазый, искушаешь ты...» [Там же, т. 5, с. 39]. Отшельник стремится одержать эту нелегкую победу, и появляется тот, кто уже стал примером для ищущих Освобождения: словно из ниоткуда, возникает фигура Будды, поражающая своим величием, похожая на исполинскую статую. Возвышенный сидит на земле, «главой своей возвышаясь до самых верхушек пальм». Ноги его скрещены. «От шеи до чресл увит он серыми кольцами змея, простершего свою плоскую, косоглазую голову над его главой. Невзирая на безмерную тяжесть змеиных колец, сидящий свободен и статен, величав и прям. Божественный нарост, острый бугор на его темени. Черно-синие, курчавые, но короткие волосы – как синева в хвосте павлина. Красный лик царственно спокоен. Взгляд блестящ, подобен самоцвету» [Там же, т. 5, с. 39]. Фигура статична, напоминает изваяние. Таким изображает Бунин Возвышенного, победившего Желание. Голос Будды, звучащий без напряжения, по силе подобен грому, он «величаво катится из глубины лесов», как бы предостерегая отшельника: «Истинно, истинно говорю тебе, ученик: снова и снова отречешься ты от меня ради Мары, ради сладкого обмана смертной жизни в эту ночь земных рождений!» [Там же, с. 40].

Статуи Будды появляются в произведениях Бунина неоднократно. Так, в рассказе «Город Царя Царей» (1924) писатель рисует цейлонский город Анарадхапуру, бывшую столицу могущественного буддийского государства. Сегодня Анарадхапура – глухое селение, где «улыбается грустно-насмешливой улыбкой огромная черная статуя Будды...» [Там же, с. 138]. Эмигрант Зотов («Соотечественник») говорит о сходстве произведений русского народного творчества и индийского: деревянная статуя Будды раскрашена и лакирована так же, как произведения русских умельцев. «Гигант из сандалового дерева с широким позолоченным лицом и длинными косыми глазами из сапфира с улыбкой мирной грусти на тонких губах» [Там же, с. 259], лежащий в лесной кумирне перед лампадой, появляется в «Братьях».

К образу отшельника Бунин обращается и в 1917–1919 гг. Именно в самые горячие годы революции, когда писатель, по его собственному признанию, ничего, кроме газет, и читать не мог, буддизм предлагал ему вы-

ход из круга, созданного проблемами современности. Так появился рассказ «Готами». Эта «повесть, трижды прекрасная своей краткостью и скромностью» [3, с. 22], похожа на притчу. Язык произведения напоминает язык «Ночи отречения», речи Совершенного в «Братьях». Рассказчик-сингalez, вероятно, является пожилым монахом, просвещающим своих учеников. Об этом можно судить по характерным для притчи и для религиозного канонического текста и-нанизываниям, фразам: «Так слышали мы»; «Так подумал царский сын»; «Вспомнила тебя душа моя!» – этих нежных слов не сказал юноша...». Готами, «бывшая среди людей неумной и покорной», пройдя как через «земное» счастье, так и через «великие скорби» познания, сама того не ведая, пришла «под сень Благословенного», в среду «Братии Желтого облачения» [Там же, с. 25]. Отметим, что имя девушки – Готами – сходно с одним из имен Будды – Гаутама (Готамма). Это имя намного древнее самого буддизма (распространение буддизма относят к VI в. до н. э.), однако появляется оно еще в ведах (Ригведа, гимны к Агни, II тысячелетие до н. э.):

Тебе навстречу мы из рода Готамы шлем песню,
О Джатавеас, движущийся в разные стороны!
Светло мы ликуем.
Это тебя одаривает песнью
Готама, жаждущий богатств [7, с. 286].

Тот путь, на который «ступила» обманутая возлюбленным девушка, – «путь, едино истинный» [3, т. 5, с. 25]. Ему следуют «смиранные сердцем, расторгшие Цепь» [Там же], живущие «в обители высокой радости, ничего в этом мире не любящие и подобные птице, которая несет с собой только крылья» [Там же]. В рассказе «Готами» Бунин прямо говорит о расторжении Цепи перевоплощений, выходе из колеса сансары как об истинном разрешении земных проблем. Если в «Братьях», «Снах Чанга», например, о возможности такого выхода лишь упоминается, то в «Готами» приводится яркий пример: деревенская девушка, обиженная своим господином, не ожесточается, а, наоборот, тихо и спокойно «расторгает цепь». Это происходит, считает рассказчик, главным образом потому, что Готами в любой жизненной ситуации сохраняет «смирность сердца» [Там же].

Таким образом, нравственный идеал Бунина в «восточных» прозаических произведениях воплощается в образах отшельников и монахов, стремящихся к Освобождению; в уста же западного человека писатель вкладывает многие свои мысли о цивилизации, судьбе людей в современном мире. «То, что чувствовал его англичанин в “Братьях”, автобиографично», – позже писала В. Н. Муромцева-Бунина [8, с. 129–130]. В рассказах, написанных в одно из самых тяжелых десятилетий (1914–1925 гг.) долгой жизни Бунина, воплощено недостижимое желание писателя – обратиться преимущественно к вечным вопросам бытия и смысла существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гумилев Н. С.* Собрание сочинений : в 4 т. / Н. С. Гумилев. М. : ТЕРРА, 1991.
2. *Волошин М. А.* Лики творчества / М. А. Волошин. Л. : Наука, 1989.
3. *Бунин И. А.* Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин. М. : Худож. лит., 1965–1967.
4. *Горький М.* Собрание сочинений : в 30 т. / М. Горький. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 3.
5. *Бабореко А. К.* И. А. Бунин: материалы для биографии (с 1870 по 1917) / А. К. Бабореко. М. : Худож. лит., 1983.
6. Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведенная с языка пали на английский язык доктором Фаусбеллем / рус. пер. и предисл. Н. И. Герасимова. М. : Изд-во Т-ва А. А. Левинсона, 1899.
7. Ригведа. Мандалы I–IV / пер. Т. Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1989.
8. *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. М. : Сов. писатель, 1989.